

Конечно, автор «Белых ночей», как и годы спустя в случае с «победившим» его любовником Сусловой Сальвадором, мог тешить себя мыслью, что Вергунов – «не Лермонтов». Но – это было утешением слабым.

Счастье ускользает из рук – и Достоевский меняет тактику. К изумлению (как можно предположить) обладающего связями Врангеля он просит барона походатайствовать перед высшим начальством за своего молодого соперника («хвалите его на чем свет стоит») – приискать Вергунову приличное место и приличное жалование. «Это все для нее, для нее одной! Хоть бы в бедности-то она не была, вот что!»

Эти заботы принято квалифицировать как порыв чистейшего альтруизма – стремление к тому, чтобы даже в ненавистном для просителя браке любимая женщина не испытывала тяготы и нужды. И, конечно же, приходит на ум благородный Иван Петрович из «Униженных и оскорбленных», усердно хлопочущий о счастье любимой им Наташи с молодым князем Валковским.

Все это так. Нет никаких оснований сомневаться ни в искренности Достоевского, ни в чистоте его помыслов. И все же, устраивая судьбу Вергунова, он в глубине души не мог не сознавать, что его благодеяния будут расценены именно как *его* благодеяния. Что они – зримые доказательства его могущества и способности влиять на людские судьбы. Ему, а не Вергунову будет обязана избавлением от нищеты Мария Дмитриевна, и, кто знает, не переменятся ли в этой связи ее матримониальные планы.

До нас, как уже говорилось, не дошла интенсивнейшая переписка между Семипалатинском и Кузнецком лета-осени 1856 г. Отсутствуют также косвенные сведения, которые обычно можно извлечь из писем Достоевского к Врангелю: в их эпистолярии случился некоторый перерыв. Но можно сказать, что вплоть до конца ноября брачная перспектива для Семипалатинска не просматривается. «...Есть ли надежда, нет ли, мне все равно, – пишет Достоевский. – Я ни об чем более не думаю. Только бы видеть ее, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь». Однако преданность, упорство, настойчивость и усиливаемая расстоянием страсть приносят свои плоды. Речь о Вергунове как муже уже не идет. И подоспевшее, наконец, производство в первый офицерский чин окончательно склоняет чашу весов в пользу новоиспеченного прапорщика.

«Чего доброго, – говаривал он в молодости, – женят меня еще на какой-нибудь француженке, и тогда придется проститься навсегда с русской литературой». Женитьба на *полуфранцуженке* оставляла родной словесности какой-то шанс.

Следовало еще объясниться с братом.

«Решение мое неизменно...»

Впервые о существовании *невесты* Михаил Михайлович узнает из письма Достоевского от 13-18 января 1856 г. Иными словами, почти полтора года, пока длится роман, брат ни о чем таком не подозревает. Он осведомляется о М.Д. Исаевой одновременно с твердо заявленным намерением брата Федора вступить в брак.

Как и следовало ожидать, Михаила Михайловича не приводят в восторг эти сибирские грезы. «Не скрою от тебя, друг мой, что твое желание сильно меня испугало», – пишет он брату, хотя и добившемуся микроскопического продвижения по службе, но все еще лишенному гражданских прав. Он понимает, что унтер-офицеру самому не поднять семьи и предвидимые тяготы лягут на его, Михаила Михайловича, братские плечи. Разумеется, в своем письме он находит другие, однако не менее впечатляющие аргументы. «Я боюсь за тот путь, на который ты вступаешь, путь самых мелких прозаических забот, грошевых треволнений, одним словом, за эту